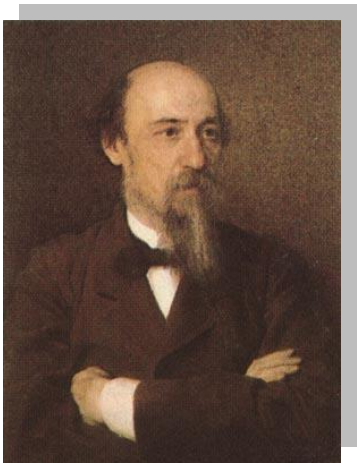


Устинья или Жюстина a la russe
(тайные пристрастия великого поэта)

К счастью ли, к сожалению ли, но психиатры никогда не добирались со своим анализом до произведений любимого вождём пролетариата – В.И. Лениным поэта Н.А. Некрасова. То есть, конечно, все проходили его стихи и поэмы в школе, но войдя в сознательный возраст, быстренько их забыли. Мы никогда не перечитываем его стихотворения, его книги никогда не становятся чтением современных взрослых людей. Между тем, это довольно поучительное, хотя и скучноватое дело.

Чтение поэзии Некрасова позволяет заметить удивительную вещь: страдания и мучения героев его «кнутом иссечённой музы» занимают в стихах литератора слишком много места. Недоумение переполняет разум растерянного читателя: он-то привык думать о Некрасове, как о страдальце за народ, а тексты говорят о внутреннем мире их автора. Тот с удовольствие смакует страшные картины расправ и физических издевательств жестоких мучителей над угнетёнными, получая от этого немалое удовлетворение. В противном случае он, видимо, не был бы так изобретателен и подробен.

Чтобы увидеть интересующие его подробности, поэт, как он сам признаётся, «*без отвращенья, без боязни я шёл в тюрьму и к месту казни, в суды, в больницы я входил*» («Поэт и гражданин»).

Ходят ли в эти места обыкновенные люди, причём с той частотой и регулярностью, как сказано в стихотворении Некрасова? Особенно заметна его скрупулёзность при сравнении сцен наказания в некрасовских текстах, например, с «Записками охотника» его современника И.С. Тургенева. Автор рассказа «Бурмистр» ограничивается тем, что двумя строками рисует холодную садистскую жестокость помещика Пеночкина: «…*резких и порывистых движений избегает и голоса возвышать не любит, но более тычет рукою прямо, спокойно приговаривая: «Ведь я тебя просил, любезный мой*!». Некрасов же в подобных обстоятельствах подозрительно многословен и изощрён. Дело даже не в таких сюжетах, как например, «*Вдоволь поплакал и умер ребёнок*…» («Еду ли ночью по улице тёмной…») или «*Под мышкою детский гроб несёт детинушка*» («На улице»), – и у А.С. Пушкина есть похожие строки, – а в странноватых взаимоотношениях мужчины и женщины у Некрасова. Для их описания поэт находит сильные, но очень двусмысленные (а, может быть, и недвусмысленные, с точки зрения **садомазохистского радикала личности**) слова: «…*будет бить тебя муж-привередник*…» («Тройка»); «*Филипп Ильич прогневался… Да хлоп меня в висок!... Филипп подбавил жёнушке…Ещё подбавил Филюшка…*» («Кому на Руси жить хорошо»); «*Но и зубами моими не удержал я тебя*…»(«Где твоё личико смуглое…»); «*Как ты кротка, как ты послушна, ты рада быть его рабой*…» («Как ты кротка…»); «…*Он то ноги твои целовал, то хлестал тебя плёткой казацкой*» («Убогая и нарядная»).

Очень часто в произведениях Некрасова встречаются выражения, которые бывает трудно объяснить сугубо литературно-художественной необходимостью. Многие талантливые люди умели обходиться без подобной доскональности. Пушкин мог вызвать жалость к станционному смотрителю Самсону Вырину, а Гоголь – к чиновнику Башмачкину без того, чтобы употреблять строки наподобие следующих:

«Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!
Приподнимая косулю тяжёлую, баба порезала ноженьку голую –
Некогда кровь унимать!».

«Вкусны ли, милая, слёзы солёные
С кислым кваском пополам?..»
(«В полном разгаре страда деревенская…»)

В последних строках сквозит явное злорадство автора, маскируемое под участливость, как и в поэме «Мороз, Красный нос», где мороз-убийца изуверски интересуется комфортабельностью положения погибающей крестьянки:

«Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой (тут кстати вспомнить о З. Фрейде, – авт.)
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли?»… – Тепло, золотой!
Тепло, а сама коченеет …

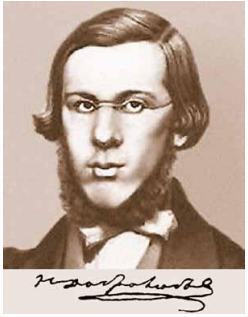
…И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он её целовать».

По сути дела, мы видим здесь сексуальный акт между садистом и умирающей женщиной! Этот же красноносый упырь чуть ниже признаётся вовсе в ужасных деяниях:

«Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить».

Мозг леденеет, а кровь стынет в жилах уже и у читателя. Или ещё одна строка из этой же поэмы: «Могила на славу готова…» – кто написал эти строки – граф Дракула или иной вампир? Если же вспомнить и другие строки поэта: «*дело прочно, когда под ним струится кровь*…» («Поэт и гражданин»), то вывод будет почти очевиден. **Кровь в произведениях Некрасова так и льётся, словно является той животворной субстанцией, без которой поэт не может жить и работать**. Обильное кровопролитие порой выдаёт автора, представляя языческим жрецом, приносящим жертвы идолу.

Гоголю психоаналитики по его произведениям уверенно диагностировали **некрофилию**. Что же тогда говорить о Некрасове, у которого трупы, мертвецы и прочие встречаются не в пример чаще. Даже в хрестоматийном, считающемся детским стихотворении «Железная дорога» «*толпа мертвецов*» со всеми подробностями готических ужасов («*скрежет зубов*», «*губы бескровные, веки упавшие, язвы на тощих руках*») приходит в детское сновидение по желанию поэта. (А современные дети учат это в современной школе наизусть!). Может быть, секрет интереса поэта к смерти в различных её проявлениях кроется во фразе из другого, менее известного его произведения – «Памяти Добролюбова»: «*…Но более учил ты умирать*»?



Любопытство в связи с различными обликами смерти, её перетекающими друг в друга маскарадными трансформациями сопутствовало Некрасову всю жизнь. И его интерес к садомазохистской составляющей человеческих отношений – лишь небольшая частность

для него, магистрального искателя смерти, восхищающегося «смертоучительским» талантом умершего приятеля?

Взаимоотношения поэта с его музой тоже строятся по принципу садомазохистского распределения функций. Он при этом чаще оказывается в роли угнетателя, она – угнетённой: «… *свой венец терновый приняла, не дрогнув, обесславленная Муза и под кнутом* без звука *умерла*» («Безвестен я. Я вами не стяжал…») – кто тут кнут-то держит, как не тот, кто является хозяином музы, которому она и должна принадлежать?

В то же время, Некрасов периодически занимает позицию мазохистского содержания: «*Ударь меня скорее! Мне легче будет!*» («Ночлеги»). Причём переход из садистского радикала совершается в пределах одного и того же произведения: «*Не придумать им казни, мучительней той, которую в сердце ношу!*» и тут же: «…*Уведи меня в стан погибающих за великое дело любви!*» («Рыцарь на час»). Или: «*Как я вас мучил…Боже мой!... Простите! Да, я мучил вас, но мучился и сам…*» («Русские женщины»).

В нередко встречающихся у него описаниях самосудных расправ крестьян над барами или иными узурпаторами Некрасов охотно и жестоко передаёт суть казни, обходясь без эвфемизмов или иносказаний: «…*Тут славно мужички расправились с одним… «А что?» – Да сделали из барина-то тесто – «Как тесто?» – Да в куски живого изрубил один мужик…*» («Отрывки из путевых записок графа Гаранского»), или «*Я в землю немца Фогеля Християна Христианыча живого закопал…*» – далее достаточно подробно описывается *указанный процесс* («Кому на Руси жить хорошо»).

Некрасов и сам порой проговаривается о своих пристрастиях: «*Что русской душе так мучительно мило…*» («Крестьянские дети») – что это, как не кредо мазохизма? А порой кажется, что реплики своих героев автор сам произносит с немалым удовольствием: «…*Всех не успеешь и высечь!*» («Деревенские новости»). Поэт обращает своё пристальное внимание на то, о чём до него мало кто говорил: «*Слыхал ты вопли стариков убогих и женщин, засекаемых кнутом?*».

Кнут не даёт покоя поэту, постоянно приходя ему на ум; словно подсознание всё время подсовывает автору сцены соответствующего содержания, иначе бы подобные строки у Некрасова встречались бы намного реже.

Что же до истязания животных, то и тут у поэта находится много слов, вызывающих мороз по коже у читателя:

«С дерева комом галчата упали...
Наскучил их крик –
И придавил их ногою мужик»

(«Саша»)

«...Погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
*И уж бил её (*лошадь), бил её, бил!
...Он опять: по спине, по бокам,
И вперёд забежав, по лопаткам
И по плачущим кротким глазам!»

(«О погоде»)

А чего стоит эпизод из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», в котором мать рассказывает о том, как свиньи съели её сына: *«Заснул старик на солнышке, свиньям скормил Демидушку...»*

Сюжет о свиньях-людоедах у Некрасова встречается неоднократно: *«А у солдатки Устиньи девочку – было ей с год – съели проклятые свиньи...»* («Деревенские новости»).

Интересно было бы сопоставить близкие по садистическому содержанию совпадения в текстах французского маркиза и русского дворянина, но в погоне за буквой можно потерять тенденции и алгоритмы. В конце концов, важнее не буквальное совпадение, а общий настрой. И этот настрой у де Сада только тем и отличается от некрасовского, что маркиз был **откровенно циничен и не делал из себя борца за идею**. Некрасов же от самого себя скрывал собственные стремления и, **боясь в них признаться, их в подсознание и прятал в идейные конструкции**, **делегируя «плохим» персонажам своих текстов собственные желания,** а сам оставался поблизости, исподтишка наблюдая за происходящим. Можно только гадать, что получилось бы, если бы одарённый русский поэт оказался достаточно циничен не только в своей редакторской деятельности, но и в жизни – не получили бы мы в этом случае русских Альфонса дё Сада или Шарля Бодлера?

Сравним два стихотворения – Некрасова «Уныние» и Бодлера «Падаль».

«Несчастный конь, ненатурально тучный!
Ты поражён недугом роковым.
Я подошёл: алела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,
Густая кровь... струилась из ноздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный стоял он час и боле,
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскалённый шар...»

«Вы помните ли то, что видели мы летом?
Мой ангел, помните ли вы
Ту лошадь дохлую под ярким белым светом
Среди рыжеющей травы?...
...И солнце эту гниль палило с небосвода,
Чтобы останки сжечь дотла...»

Можно увидеть их удивительную близость, причём не только содержательную, фабулярную, но и эстетическую. Второе стихотворение словно продолжает первое. Вызов общепринятому, перчатка, брошенная общественному вкусу, интерес к табуированным прежде темам, **эстетика отвратительного, тяга к некрофилии** – всё это объединяет одного из самых откровенных и анархичных поэтов Франции с одним из наиболее востребованных отечественными революционерами, установившими на 70 лет тоталитарную власть, и растасканным на «человеколюбивые» цитаты русским поэтом. Только холостяк Некрасов сразу же тщательно завуалировал ту, интересующую его тему и ту близкую ему эстетику, которые безжалостно были акцентированы Бодлером.

Некрасов интуитивно маскировал свою **депрессию** и блокировал себе путь к самопониманию тем, что делегировал собственную тоску социальной несправедливости и неустройству. Но он всё же проговаривался: *«...злоба во мне и сильна, и дика...»*, или *«... мой тяжёлый, больной и раздр**а**женный ум»*, или *«Злобою сердце питаться устало...»*, или *«Угрюм и полон озлобленья у гроба двери я стою...»* – таких стихов у Некрасова очень много. Таким образом, иллюзорная глубина его стихо-**творения**, подаваемая через заданную социальность, превращала стихотворение в плоский плакат.

Впрочем, если попытаться сегодня без идеологического детерминизма перечитать Некрасова, можно заметить, что некоторые из его произведений почти явно отсылают к садомазохистской тематике, с её атрибутикой кнутов и физической болью.